

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (2532)

Суббота, 4 июня 1949 г.

Цена 40 коп.

ГЕНИЙ ВЕЛИКОГО НАРОДА

Наша великая советская Родина и все передовое человечество торжественно празднуют 150-летнюю годовщину со дня рождения величайшего художника русской и всей мировой культуры, родоначальника новой русской литературы, создателя современного русского языка — Александра Сергеевича Пушкина.

Молодой Пушкин сказал о себе:

И неподкупный голос мой
«Был эхо русского народа».

С каждым годом, с каждым новым шагом в стремительном и беспрепятственном во всей мировой литературе творческом развитии поэта эти слова напоминали все более глубоким содержанием.

Пушкин рос и мужал как поэт в годы, ли самым охарактеризованные, как годы, овеянные «славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года». Это было «время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!»

Россия покорить нельзя; всякий, кто подымет на нее меч, — от меча погибнет. — вот убеждение, которое с детства и навсегда овладело Пушкиным и стало убеждением всех русских писателей — Лермонтова, автора «Бородина», Гоголя, автора «Тараса Бульбы», Толстого, автора «Войны и мира», «Севастопольских рассказов», и всех других наших писателей-патриотов.

Поэзия Пушкина вознесла миру о великом и могучем народе, древнем по происхождению, но молодом по силе своих деяний и подвигам. Суровая судьба задавала этому великому народу не один «урок нежданной и кровавой», но

Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Десять героев 1812 года, Пушкин воспедал в своих стихах и боролся против самонадеянности и угнетения. Прославляя благородный подвиг русского народа, повалившего в бездну титановский над царствами кумир, народа, искусившего своею кровью «Европы вольность, честь и мир», Пушкин славил героизм и самопожертвование своих «друзей, братьев, товарищей» — декабристов, вступивших в славный подвиг с царем самодержавия.

Родина и свобода! — поэт не мыслит себе этих равно дорогих и близких сердцу понятий друг без друга.

Однако, как ни прогрессивно было его мировоззрение, его беспримерное в мировой литературе того времени устремление к народу, к народной жизни, народным идеалам, — Пушкин оставался в пределах дворянской революционности, в кругу идей и представлений просвещенного дворянства.

Его поэзия отражала зарю русского освободительного движения. Его призывы к «свободе, прозвучавшие на всю страну, не прошли бесследно. Их подхватывала вся наша литература, в которой митическое устремление к могучей освободительной буре, набатный призыв к борьбе, к революции звучал, все более и более нарастая, как сильный, грозный и прекрасный призыв.

Пушкин был первым писателем в русской и во всей мировой литературе, раскрывшим значение народа как главной, решающей силы истории. Он был первым, кто решительно отбросил тяжелые вериги обветшавшего классицизма и отринув тума-

ны ложного «небесного» романтизма, обратился к реальной действительности, к миру народной жизни.

Вместе с Пушкиным в нашу литературу входили новые герои — «маленький человек» в лице стационарного зрителя, крепостного слуга Савельича, старушка-няня, дочь мельника, крепостные крестьяне села Горюхина, кузнец Архип и, наконец, вожаки крестьянского восстания Степан Разин и Емельян Пугачев.

Пушкин неизменно противопоставляет пустоте и развращенности жизни господствующих классов народную правду и красоту. В «Русалке» он показывает эгоизм и лживость князя, человека с «косматым сердцем», и противопоставляет ему чистую, неподкупную и правдивую душу девушки из народа. В «Евгении Онегине» он произносит суд над иншурой и суетностью света устами своей любимой героини Татьяны, столь близкой к народной жизни. Благополучная праздность, светские успехи и комфорт для нее — всего лишь «ветюшь маскарада». Пушкин начинает в нашей литературе линию разоблачения лживого, обманчивого «маскарада» жизни господствующих классов, линию, которую блестяще продолжает Лермонтов, Некрасов, Щедрин, Толстой. Автор «Пиковой дамы» и «Скупого рыцаря» гневно заклеймил стяжателей, авантюристов, буржуазных хищников, поработителей «вольного Гения» и «бессонного Труда». И здесь Пушкин решительно противопоставит буржуазной литературе Европы и Америки, пынично восторженной рыцарей наживы и угнетения.

В произведениях нашего национального гения «первые сказала нам живая русская речь, впервые открылся нам действительный русский мир», — писал Добролюбов. И в то же время Пушкина по праву можно назвать первым в русской литературе певцом нашей великой многонациональной Родины. Он превосходно знал историю Украины и воспел обаяние украинской природы, с любовью рисовал храбрость, красоту и душевное благородство народов Кавказа, с сочувствием изображал жизнь башкир, цыган, уральского казачества.

С глубоким уважением относился Пушкин к культуре западноевропейских народов и превосходно знал ее. Поистине, нет в мире такого народа, который не мог бы назвать Пушкина своим верным и вечным другом! И в этом отношении, как и во многих других, Пушкин заложил основы всей передовой русской литературы, патриотизм которой всегда сочетался с уважением к другим народам.

Поэт был убежден в высочайшем предназначении своего народа; он сказал: «Освобождение Европы придет из России».

В лице Пушкина на мировую арену выходила гениальнейшая передовая русская литература, которая несла на своем знамени идеи народности, свободолюбия, патриотизма и братской дружбы всех народов.

Основной задачей новой русской литературы, сочетающей глубокое идейное содержание с непревзойденной силой художественности, Пушкин явился и создателем нашего русского литературного языка, в котором высокая культура соединилась с живой речью народа. Недаром великий Ленин называл современным русским языком язык писателей «от Пушкина до Горького».

Пушкинский гений оказал мощное и благотворное воздействие на развитие национальной культуры русского народа и всех народов нашего Отечества. Музыка, театр, балет, живопись, скульптура — нет ни одной области нашей богатой и многосторонней культуры, которая не была бы связана с именем Пушкина. Его гениальные произведения навсегда сроднились с творчеством таких титанов русской и мировой культуры, как Глинка, Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков, Ренни.

Пушкин — наш предшественник, наш любимый друг. Он — живой современник и верный соратник в трудах и в бою.

Не случайно советские люди так часто говорят о Пушкине не в прошедшем, а в настоящем времени.

«Пушкин и теперь — наш славный современник и патриот, — пишет в редакцию педагог А. Миронов (гор. Рузаевка). — Мы, советские люди, настолько сроднились с ним, что невольно передаем наши мысли и чувства пушкинскими словами, наряду со словами наших поэтов-современников. Думаю о Москве, мы выражаем любовь к ней, повторяя вместе с поэтом: «Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось!» Когда мы слышим озлобленный вой империалистов, пытающихся запугать нас новой войной, мы отвечаем сплотившимися и грозными словами: «Иль русский от побед отвык?.. Иль мало нас?»

Вера в человека, в разум, в светлое будущее человечества вдохновляет советский народ в его испанской борьбе за коммунизм, и эта вера звучит в нас всегда оптимистически, охотворенно: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Пушкинские дни, проходящие ныне с таким невиданным размахом в нашей стране, — подлинный праздник советской культуры, праздник всенародный, возможный только в нашем свободном социалистическом Отечестве, в котором культурой овладели миллионы людей.

Великую патристическую гордость и радость, которые испытывает сегодня, в дни пушкинского торжества, весь наш советский народ, разделяют с нами все, кому дорого имя славного русского поэта, друга человечества, как он сам с полным правом называл себя, все, кому дороги счастье и свобода родного народа и всего человечества.

Поэзия Пушкина вселяет веру в сердца простых и честных людей всего мира, веру в неизбежное торжество мира и свободы народов, в победу над поработителями, над захватчиками и оккупантами, «самодержавными злодеями».

Вот почему сегодня — вместе с народами нашей многонациональной Родины, — с надеждой и верой в светлое будущее повторяют и строят новую жизнь в странах народной демократии, и бойцы за свободу Китая, Греции, Индонезии, и рядовые солдаты всей многомиллионной армии человечества, борющегося за мир и свободу, великие русские слова:

Ты, солнце светлое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Пред лужною мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Праздник русской и мировой культуры

А. ТВАРДОВСКИЙ

Пушкина, продолжателями его традиций. В этом смысле, допустим, Маяков или Фет оныскало взирала на Некрасова. Но Некрасов нес свою благородную службу невидя народного горя и гнева, говоря с народом на том языке, который был создан для нашей поэзии Пушкиным, и велел за Пушкиным наполняя свое искусство жизнью и страстью сердца. А строгими «чистого искусства» либо жестокими в своей элитарности «авторитетности», либо крохоборством в лирике садового уюта и любовных вздохов, и там и тут будут бессердечными эгоистами, чуждыми большой думы о судьбах родины.

Некрасов стоял на иных, более передовых идейных позициях, чем Пушкин. Но он его прямой наследник: его язык, его стих развивались по заветам пушкинской эстетики, эстетики реализма. А дворянские поэты, в условиях иной эпохи, чем пушкинская, вполне разделяя известные классические прелести Пушкина, просто-таки никаких прав считать себя его наследниками в поэзии не имели. В позднейшее время, в продолжатели пушкинской традиции зачисляли себя чуждые народной жизни декаданты и символисты всех мастей, видевшие в Некрасове поругание этих традиций. Но и они за бортом большой поэзии. Не могло быть и нет их в ряду великих и славных. Только поэту революционной эпохи — Маяковскому, смело и безоговорочно пошедшему навстречу новой жизни, никто уже не откажет в праве на наследование великих традиций русской поэзии.

Вот чей Пушкин. Он наш был и есть, а не тех, что хотели отнять его у народа. Наш и с нами.

Вновь и вновь хочется повторить, что проходят годы, минуло столетие, и вот уже переживает то, что, как он умер, а все он не стареет, не становится только собранием сочинений, академической святыней, хотя бы и глубоко почитаемой по

традиции... И хочется отметить еще одно ощущение, знакомое, должно быть, всем поколениям его читателей. Мы как бы ни старели, но не утрачиваем даже его физического присутствия в мире, среди нас, и никогда не утратим. И особенно известно это ощущение у нас, советских людей, сейчас, когда мы отмечаем дату его рождения, светлую дату. Он с нами, во всем личном своем обаянии ума и характера, которые восхищали его современников и которые мы с такой очевидностью различаем в каждой его строке. И хотя в отношении и других великих художников о альбомного читателя всегда есть чувство, что вот, мол, я-то их помню лучше всех и до конца, но в отношении Пушкина это ощущение особенно присуще читателю. Вот я-то уж его помню, — как бы говорит он себе в порыве восхищения и растроганности, и это чувство лично эгоизма и никогда не существует чертвенно самолюбия. Именно от этого чувства своей как бы исключительности способности понимать человек бежит к товарищу в раскрытой книге, — он боится, что радость, испытанная им, еще не постигнута другим.

С немногими из самых замечательных художников слова читатель чувствует себя в такой простой, дружески доверительной, свободной и легкой атмосфере, как с Пушкиным, и даже эти немалые своего способностью располагать к себе читателя обязаны «началу всех начал» нашей литературы.

Читатель, общаясь с Пушкиным, испытывает ощущение простоты человечности своего собеседника и никогда не чувствует подавленности близостью гения. Такой светлый, человечнейший гений Пушкина, в этих чертах являющийся образом гармоничной, ясной личности. «Гений», — говорит П. Г. Чернышевский, — ум, развившийся совершенно здоровым образом, как высочайшая красота — фор-

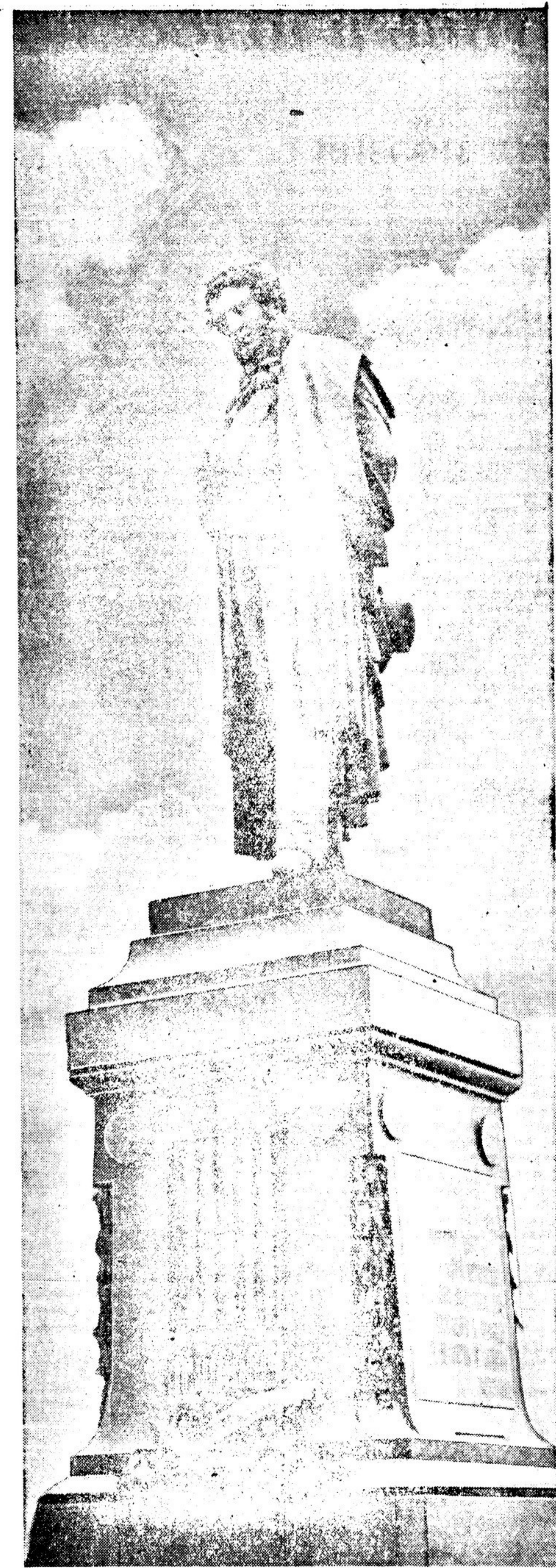

Фото В. ТИХАНОВА.

С. МАРШАР

ПУШКИНСКАЯ ДУБРАВА

Три вековых сосны стоят на взгорье,
Где молодая роща разрослась.
Зеленый дуб шумит у Лукоморья.
Под этим дубом сказка родилась.

Еще свежа его листва густая
И корни, землю взрывные бургом.
И та же цепь летая, золотая
Поет-звонит, обвив его кругом.

Нам этот дуб священной год от года
И с каждым днем дороже и родней.
Поэзия великого народа
От этих крепких родилась корней.
У Лукоморья поднялась дубрава.
И свежо, могучею листвою
Она шумит спокойно, величало,
Как славный прадед с целью золотой.

Николай ГРИБАЧЕВ

ТОВАРИЦ

Темнеет бронза год от года,
Крошит гранит
Лавина лет,
Но тот, кто жив в душе народа, —
Тот умереть не может.

И мы,
бойцы другой эпохи,
суровых и великих лет,
мы снова видим, что в дороге,
в пути к грядущему —
поэт,
и стих вперед разведкой пушек,
и он в строю,
и потому
так хочется
сказать,
как сверстнику,
ему!

11 миллионов экземпляров юбилейных изданий

В стране что ни день выходят на разных языках сотни и тысячи экземпляров новых изданий произведений А. С. Пушкина и книги о его жизни и творчестве. Начальник Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли при Совете Министров СССР тов. Я. Грачев рассказал нашему корреспонденту о юбилейных изданиях, выпущенных центральными, республиканскими и областными издательствами.

— Только что поступил в продажу первый том шеститомного собрания сочинений Пушкина, выпускаемого Гослитиздатом, и завершено десятилетнее полное издание СССР, издаваемое Академией наук СССР. Вышло полное собрание сочинений поэта в одном томе — нормальном издании, формата, напечатанное на очень тонкой бумаге. Вышел и однотомник избранных сочинений с отличными иллюстрациями старых русских живописцев и советских художников. Изданы Фрунзею маленькие трагедии «Свои Годунов», «Дубровский» и «Стихотворения». Государственное издательство художественной литературы уже дало к юбилейным дням около двух миллионов экземпляров книг Пушкина.

Двадцать три областных издательства РСФСР подготовили к выпуску пушкинские книги. Восьмь издательств дают читателям однотомники избранных произведений, пять издательств — пушкинские сказки. Крымское издательство выпустило сборник «Крымских стихотворений» и «Дубровское — Костромское — книгу поэм. Новосибирское — «Евгения Онегина». Всего в областных издательствах выходит свыше тридцати названий отдельных произведений Пушкина.

Все шестнадцать республик издают отдельные произведения поэта — в общей сложности около ста названий.

— В краткой беседе, — сказал в заключение тов. Грачев, — трудно перечислить все юбилейные издания. Один лишь Ленинградский миллион экземпляров книг Пушкина, — Общее количество юбилейных изданий достигает 11 миллионов экземпляров.

ВСЕГО труднее, кажется, писать о нем человеку, причастному, хотя бы в скромнейшей степени, к тому искусству, которому он своим гением сообщил познание бессмертную силу власти над сердцами людей. Как страшно здесь проносятся хоть одно неверное слово, тем более, что о нем уже сказано столько прекрасных, достойных его имени и его подвига слов всеми теми, кто вместе с ним составляет мировую славу русской литературы.

Но у каждого из нас — свой Пушкин, оставшийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале ее и уже не покидает нас до конца.

Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. Со слухом я знал его «Сказку о царя Салтане», Потаповский бой из «Донатавы», сон Татьяны из «Евгения Онегина», «Женитьбу». Но «Капитанская дочка» являлась для меня первой в жизни самостоятельно прочитанной книгой. И поныне формат книги, ее запах, помню, как я был счастлив, что сам открыл эту не известную мне со слухом историю.

Я был захвачен ею и засиделся у окна в дождь, и когда дошел до бурной в Оренбургской степи, то увидел, что за одним пошел снег, и это стало неизлечимым до сих пор впечатлением как бы магической силы, вышедшей от пушкинских страниц. С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину. А кто не обязан ему радостью приобщения к самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь! Но если Пушкин приходит к нам с детства, то мы понастоящему приходим к нему лишь с годами.

Я долго самонадеянно полагал, что знаю Пушкина: ведь я же его читал и перечитывал в детстве и в юности, я «проходил» его по всем правилам вузовского преподавания литературы, я прочел о нем немало количество книг и статей, я толкую о нем со своими друзьями, шелюга зоркостью отнюдь не частностей его мастерства, — чего же больше?

Но только в дни Отечественной войны, в дни острой, незабываемой боли за ро-

к культуре и активной духовной жизни, с необычайно возросшим их интересом к творчеству гениального поэта, с развитием советской науки о Пушкине, с массовым изданием его произведений.

В невиданном ореоле своей славы являлся он нам, когда страна отмечала столетие со дня его кончины. Это был 1937 год, который предвещивал победы двух сталкимых пятилеток преобразования страны, величайшей исторической переломкой, происшедшей в деревне, все то, что ошачило вступление в социализм. И это, естественно, обусловило необычайный размах общенародного праздника и сделало имя народного поэта еще более дорогим для каждого советского человека, для наших зарубежных друзей!

И вышедшую пушкинскую годовщину — столетиедесятилетие со дня его рождения — мы справляем в обстановке, которая не может не сообщить этому торжеству особой значительности. Мы победили в четырехлетней, небывалой по своим масштабам и ожесточенности войне с прогнившим, который стремился завоевать и покорить весь мир, принеся свободу миллионной армии, расширил пространство социализма. Мы вернулись к мирному труду и с новым воодушевлением, упорством и уверенностью идем дальше по избранному нами пути, по пути к коммунизму. Мы боремся за мир во всем мире, и голос наш отзывается лучшей надеждой в сердцах всего трудового человечества, всех честных людей мира. И в эту пору мы справляем праздник Пушкина — члена русской и мировой поэзии, — праздник нашей культуры, нашего искусства, без которых уже мир не может обиться.

Еще выше, еще больше становится Пушкин!

Пусть же звучит его голос во всем мире, голос бессмертного поэта нашей земли. И пусть праздник его рождения будет подлинным торжеством поэзии, необычайнейшим из проявлений человеческого духа, чудотворной силы, служащей благодарнейшим делом человечества. И пусть это славное торжество поэзии будет залогом ее новых свершений, достойных памяти нашего великого соотечественника.

И неподкупный голос мой был эхо русского народа

Мих. ИСАКОВСКИЙ

Живая и ясная поэзия

О том, что «был такой поэт Пушкин», я знал уже с детства, хотя в то время в нашей местности вряд ли кто-либо читал его стихи или прозу: крестьянство, в среде которого я вырос, было поголовно неграмотным, а книга могла попасть в деревню лишь по случайной случайности. Тем не менее, имя Пушкина знали почти все, хотя бы только понаслышке. И это очень примечательно, что даже тогда, в глухую и безрадостную пору, Пушкин жил в сознании народа и был неотъемлемой частью его культуры.

Летом 1912 года я написал первое свое стихотворение, если можно назвать стихотворением вышедшую из-под пера строку: Люблю Кавказ с его горами, Всегда покрытыми снегами, О, как скалятся его горы, О, как опасен путь в горах! — Идешь по горной по тропинке, С обрыва в пропасть упадешь, И там утонешь ты навеки, Себе могилу там найдешь.

Нетрудно догадаться, что «кавказскую тему» для своего первого стихотворения я взял только потому, что о Кавказе писал Пушкин, стихи которого я впервые прочитал в школьной хрестоматии. В дальнейшем я неоднократно обращался к стихам Пушкина, пытаясь при помощи их проникнуть в тайну поэтического творчества. Заодно я заимствовал у Пушкина и тематику, так как найти свою собственную тему я никак не мог по малодетству и по неопытности.

Но дело, разумеется, не в этих детских и юношеских упражнениях, хотя и они, очевидно, сыграли в моей жизни некоторую роль. Дело заключается в том, что в последние годы, когда я уже более или менее сознательно задумывался над проблемами поэзии, когда я искал своего собственного пути в ней, Пушкин, а вместе с ним и другой любимый мною поэт — Некрасов сбавили меня от многих ошибок и заблуждений и своим творчеством помогли мне избрать тот поэтический путь, по которому я иду и поныне.

В ту пору в поэзии существовало множество всевозможных направлений, в том числе формалистических. Появилась даже такая «теория», что классицизм, мол, отжили свой век, что их пора сдать в архив, что писать нужно совершенно «по-новому» и т. д. Такие и подобные им «теории» легко могли сбить с толку молодых начинающих поэтов, к числу которых относился и я. И если я все же не поддавался таким теориям, то это в очень большой степени объясняется тем, что в моем сознании жили великие русские поэты — Пушкин и Некрасов. Они как бы оградили меня от той мутной и вредоносной волны формализма, которая хлынула тогда в поэзию.

Я, например, читал стихи тогдашних князьян и дворян — стихи неудобочитаемые, неуклюжие по форме и

пустые по содержанию, читал и думал: неужели же это и есть то «новое», что так усленно рекламируется, как последние достижения поэзии? Неужели же это может кому-либо нравиться, кого-либо волновать? Нет, тут что-то не так...

И я брал Пушкина: Товарищ, верь: взойдет она, Звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья Напишут наши имена!

Как это просто, но вместе с тем, как это хорошо сказано, как это волнует человеческое сердце! И разве можно предпочитать такой поэзии какое-то невнятное бормотание формалистов? Да нет же, тысячу раз нет!

Раздумывая над судьбами поэзии, над ее назначением, я неоднократно обращался к Пушкину и Некрасову. В результате я пришел к неопровержимому выводу, который и поныне не потерял для меня своего значения. Я думал так:

Советский поэт прежде всего должен писать для своего народа. А это значит, что его стихи должны быть простыми по форме и глубокими по содержанию. Поэт обязан разговаривать со своим читателем как самый искренний друг, а не как «жест», изрекающий «истины» на каком-то выдуманном им самим языке. Поэт должен в своем творчестве затрагивать все самое существенное, все самое важное в жизни народа. Только при таком условии его стихи, подобно стихам Пушкина и Некрасова, будут волновать человеческие сердца, звать их вперед к новым успехам и победам.

Может быть, эти выводы покажутся сейчас чересчур уж простыми, общезвестными. Но в то время, о котором идет речь, положение в поэзии, как я уже сказал, было совершенно иным, и мне, чтобы сделаться поэтом, нужно было пробиться не через одну линию враждебных, выставленных тогдашними формалистами. И я пробился, опираясь на могучий авторитет великих русских поэтов Пушкина и Некрасова.

И с тех пор самым дорогим для меня делом стало и остается для меня и сейчас некоторые мои товарищи не избавлены полностью от формалистических теорий в поэзии и говорят об «устарелости» классического стиха и непригодности для нашего времени.

Но эти стихи написаны величайшими произведениями русской поэзии, им посвящено большинство книг советских поэтов, в том числе и книг, получивших всенародное признание.

Классический русский стих живет и будет жить! И наиболее веским доказательством этого является поэзия Пушкина, которую наш народ по справедливости воспринимает как поэзию живую, действенную, активную, полнокровную, зовущую вперед.

ТЕБЯ, КАК ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ, РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ

Федор ГЛАДКОВ

Я открыл для себя Пушкина лет семи в глухой саратовской деревне. Рос я в патриархальной старообрядческой семье, где считалось страшным грехом держать в избе и читать «гражданские» книжки. Душеспасительным для нас, малышей, считалось принудительное чтение псалтыря. Но в те далекие годы в деревню уже проникла «гражданская» книга в изданиях Сытина, Павленкова, «Посредника» и др. Эти книжки развозили трапичники в своих лапчатых лаптях. Однажды летом я услышал распевающий голос трапичника и побежал к нему. Он сидел на тропинке подмышкой. Его уже ожидала толпа девчат и парнишек. Меня не интересовали ни удочки, ни колечки, ни крестики, ни колокольчики; я обычно набрасывался на тоненькие книжечки. И вот в этот раз я почему-то сразу же схватил голубую книжку с портретом кудрявого человека. Он пристально смотрел на меня юношескими, жизнерадостными глазами. Я бросил трапичнику и прыжал к груди эту книжечку. И, убогая обратно, любовалась обликом этого кудрявого и радостного человека и не мог оторвать от него глаз. Я прочел крупно напечатанные слова сверху обложки: «А. Пушкин. Сказки». И когда я начал, спотыкаясь, читать первые строки «Сказки о рыбаке и рыбке», я почувствовал, что-то очень родное, близкое, потрясавшее простое, но необычное — ослепительное, народное. Я наслаждался музыкой стихов, ослепшая солнечным светом каждая строка, и передо мной открывался новый мир — необъятный, фантастический, но очень реальный, близкий, понятный и чарующий. Море в грохочущих волнах, золотая волшебная рыбка, царевна-лебедь, тридцать три богатыря, сверкающий город на высоком берегу. Добро и правда сияют солнцем, а зло и кривда испепеляются.

К моему горю эту книжечку увидел в руках у меня строгий и благочестивый дед и ажурал ее в клочки, а на меня валил

наказание — сорок земных поклонов в день в течение недели.

Но Пушкин уже вошел в мою душу глубоко и навсегда.

С этого дня я прятал книжки в потайных местах и читал их в разных укромных уголках. До десяти лет, до отъезда из деревни, я прочитал и «Подставу», и «Бахчисарайский фонтан», и «Повести Белкина», и много стихотворений. Память на стихи тогда у меня была крепкая, и я читал их назусть сам себе и своим приятелям.

Я много читал в те годы всяких книжек — больше всего голубых, дубовых, которые ворахи выискивались на рынок, но Пушкин, как чудесная песня, как сверкающий день, как цветущая весна, гремел в моей душе. И в тяжелые дни моей жизни он, как задушевный друг, как чудесный целитель, ободрял меня, поднимал мой дух, укреплял любовь к жизни и веру в грядущее счастье.

Никогда не забуду трогательной минуты, когда на волжском пароходе, в людской сналке четвертого класса, седенькая старушка-учительница поманила меня к себе, приласкала, заставила прочитать первые строки «Руслана и Людмила» и подарила мне эту книжку с такой надписью: «Руслан — это русский человек, это — народ. Учись у Руслана, как бороться за правду, за счастье народное». Эту книжку с картинками я хранил, как драгоценность, много лет, но в 1906 году при обыске ее отобрали у меня за эту надпись.

Мне кажется, мало кто из писателей прошлого так глубоко понимал и чувствовал русского крестьянина-труженика, искал правды и грозного в своем гневе против поработителей, как Пушкин. Достаточно указать на его «Историю Пугачева», на

«Капитанскую дочку», на его сказки, где народная мудрость воплощена в пугачевской силой. А «Дервня»? Это же могучий голос народного певца, который кровно связан с судьбой своего народа и который переносил вместе с ним деспотический гнет и ждал думой о «прекрасной заре».

В Пушкине — это исключительная глубина и величие проявились богатство русской души, стойкость, мужество, выносливость, вековой протест против рабства, бесправия, неутомимое стремление к свободе и великая человеческая красота.

Для меня, как писателя, Пушкин был всегда неисчерпаемым источником вдохновения. Пушкин — это целая вселенная в искусстве художественного слова, и как вселенная, он безграничен и неисчерпаем. Каждое его слово экономно и чрезвычайно по объему, поэтому оно ударно и целительно. Пушкин — лучший учитель художественной пластики. Он остается для всех литераторов современности непревзойденным образцом мастерства и обладателем чудесного дара создавать глубокую идейность с изумительной красотой слова. Я не знаю равного ему в мире гения, который мог бы так потрясать «стаголом жечь сердца людей» и так неразрывно быть слитым со своим народом.

Как глубоко-национальный гений, он — солнце для всех людей мира, которые борются за свободу во имя всеобщего счастья, за мир и братство народов, за человеческое достоинство, за торжество творческого труда, за уничтожение эксплуатации человека человеком.

И я думаю, что никогда еще Пушкин не был таким родным и близким миллионам людей, как в нашу, советскую эпоху. Он вошел в душу каждого советского человека, как наша слава и гордость. Он принадлежит и нам в самую передовую человечеству.

Серафима БИРМАН

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

«Нет, весь я не умру...» А. Пушкин.

Есть такая легенда: будто какой-то князь, близкий к власти во все великодержавные басы и празднества, пожаловался Пушкину, что он, князь, за свою краткую жизнь проел и пропил три огромных родовых именина и что теперь он, князь, нищ, разорен... Кутула заинтересовался дохотами Пушкина.

И будто бы так ответил расточителю поэт Александр Сергеевич, что его, Пушкина, богатство неисчерпаемо, так как «именье» его — тридцать шесть букв русского «алфавита» — от него, поэта, неотъемлемо. Пушкин промолчал о том, что власть гения над алфавитом родного языка превращает азбуку в перлы, алмазы, бриллианты...

Пусть этот рассказ — вымысел, пусть никогда не было и такой встречи и такого разговора. Все же вымысел — не неправда: в такой форме вылилось что-то отношение к Пушкину, сказавшее мысль о патристическом всемогуществе, о бессмертии гения.

Пушкин чтут во всем мире, пред ним благоговейно, им восхищаются, и это вылетают новые лавры в его победный венок; наш советский народ своей кровью, нежной и гордой любовью возвращает Пушкину жизнь, несомненную, горячую, деятельную.

Пушкин отважно протянул руки Свободе и чрез века встретил ответное горячее рукопожатие советских людей. Теперь рука Пушкина — в исполненной руке народа. Не раздумается рука, не разойдутся пути, не нарушится взаимная верность. Народ верен Пушкину, потому что Пушкин любил и верил русскому народу и родной земле.

Исконная связь Пушкина с народом побуждает его смерть и позволяет сейчас великому национальному поэту участвовать во всей жизни страны.

Звучит его заветная лира. Мелодия Пушкина проникает даже в души тех, кто почему-либо не держал в руках его книги.

Вот, например, один разговор со старой крестьянкой.

— В прежние времена грамоте нас не обучали, но про писателя великого Пушкина я так думаю, что не только поэт каждое слово его, но и каждая его буква говорит, да так звонко, так ясно, что всем ее и навеки-веком слышать.

— Почему же вы так думаете, если Пушкина вы не читали?

— В народе так о нем говорят. Очень уж народ его обожает. Да и мне ребята иногда «письма» его вслух прочитают. Ну, а в красивом да в правдивом уж

сердце разбирается. Сердце-то у человека, большей частью, — грамотное.

Да, Пушкин входит в нашу жизнь с утренней зарей каждого дня. А бывает, что и снится людям...

Сколько тревог, сколько дум овладевает актером или певцом, который должен прожить вслух строки величайших творений, сколько предостережений надо ему соблюдать, чтобы стремление выразить Пушкина не стало бы посягательством на него!

Чтецу и актеру нельзя нарушить ни светлого смысла пушкинских стихов, ни красоты его ритмов.

Перед исполнителем — оригинал, слова Пушкина. Нехорошо с оригиналом — это творческое банкротство художника.

Поэт много страдал, но его великий человеческий дар раздвигал жизнь, верить в нее и бороться стихом за жизнь не позволял тем, кто провинился поэту вслух, быть унылыми непереносимыми. Пушкин подавался обаянию лунных ночей, но святым он звал солнце. Эта солнечность в характере возвышала Пушкина не терять жизнелюбия, быть полным надежд и в часы горячайших печалей.

Пушкин, не избывший всех своих неисчерпаемых творческих сил, победил смерть. Он живет с нами и зовет к творчеству нас и тех, кто будет жить после нас.

Максим ТАНК В ЕГО ДОМЕ

К Неве, К разливу северных зарниц, Я из дубрав пришел, Где плещет Нароч строго, Но без хозяина не мог переступить Заветного старинного порога. Я ждал его И до утра искал Под вешним паровком, Под ветром мокрым, режким На набережной, Там,

Где медный конь скакал, И там, Где догорал Дорогой млечной Невский. День ленинградский встал И двери отворил: Народ пришел К поэту дорогому. Нет, так не входит в дом, Где кто-то опочил, — Так к современнику иду, К живому.

И я вошел туда, Где жил, Творил поэт, Где голос прозвучал, Прекрасный, легендарный, Чужо переселить ему Поклон мой И привет От белорусских нив, От внуков благодарных.

Перевел с белорусского Андрей КЛЕНОВ

ДРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Якуб КОЛАС

Я хорошо помню: в детские годы в моей пастушеской сумке лежал небольшой, жадно потропанный томик пушкинских поэзий. К тому времени я уже кое-как научился читать, и чтение стало моим увлечением. В подходящие минуты, где-нибудь на опушке бора или в прибрежном плавье, я с увлечением читал поэмы и стихи Пушкина, заучивая их на память. Я мог прочесть назусть от начала до конца «Подставу», «Братьев разбойников», «Цыган» и много лирических стихотворений. Умом я тогда, может быть, не понимал еще этой бессмертной поэзии, но своим детским сердцем чувствовал непреодолимую власть чарующего пушкинского стиха, гармоничной формы и содержания.

Многие стихотворения Пушкина вызвали во мне близкие, родные образы. В этом сказывалась истинная народность и действительная власть подлинной поэзии над человеческим чувством.

Пушкин — поэт-протестант, поэт-мечтатель был пламенным борцом за свободу. Он ненавидел жандармский режим николаевской эпохи и бесстрашно поразил этот режим ударом своего острого слова. В народе видел поэт идеал красоты и правды. За народ, за его свободу он боролся своим страстным талантливым словом. Родоначальник новой патристической, глубоко народной русской литературы, Пушкин оказал огромное влияние на поэзию и культуру народов СССР и, в частности, на белорусскую литературу.

Любовь к Пушкину, близкое знакомство с ним белорусских писателей началось давно, в то время сам поэт еще мечтал «о временах грядущих, когда народы, распри позавы, в великую семью соединятся». Белорусская литература после многих лет национального и социального угнетения нашего народа польскими и литовскими магнатами пришла в упадок. Только

во в конце восемнадцатого века сделалось возможным приобщение белорусского народа к великой русской культуре, что способствовало зарождению и становлению в начале XIX века новой белорусской литературы. В одном из самых первых памятников белорусской поэзии — сатирической поэме неизвестного автора «Тарас на Парнасе», написанной в 30-х годах прошлого века и долго бытовавшей в устных пересказах и рукописных списках, уже упоминалось имя Пушкина.

Полесович Тарас нежданно для самого себя очутился на Парнасе. Незнакомый автор с большой любовью и доброй, умной улыбкой рассказывает о встрече своего героя с Пушкиным и его поэтическими соратниками и последователями. Не в пример Бугарину и Гречу, дорога перед ним широко открыта.

Все разом что-то зашумело, Народ раздался в два конца, И, словно птицы, пролетели Чистые добрых молодца. Вид был у этих не таковский: Сам Пушкин, Лермонтов, Жуковский И Гоголь — быстро мимо нас Прошли, как павы, на Парнас.

Особенно большое влияние оказал Пушкин на нас, молодых писателей из народа, писателей-демократов, пришедших в белорусскую литературу вместе с революцией 1905 года, — на Янку Купала и на меня. Пушкинская ненависть к рабству и нециям — «Увы! куда ни брошу взор — везде бичи, везде железные; пушкинское стремление к свободе — «Хочу веспеть свободу миру, на тронах поразить порок»; пушкинский призыв к борьбе с самодержавием и деспотизмом — «Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу, твою побегель, смерть детей с жестокой жестостью вижу», — все эти великие заветы Пушкина белорусские писатели приняли как свое наследство и развивали их в новых исторических условиях.

Вот что писал об этом Янка Купала: «Люблю Пушкина с его гордостью, с ослепительным человеческим достоинством. Он смело бичевал стихами владык того времени... Я люблю Пушкина за то, что он в дни великой Сталинской эпохи представил, как живой борец за свободу, за счастье человечества. Мне хотелось бы писать так, как писал любимый мною А. С. Пушкин».

К этим простым и искренним словам Янки Купала я могу от своего имени добавить одно: не будь Пушкина с его «Евгением Онегиным», «Медным всадником», «Капитанской дочкой» и сказками, — не было бы наверно и моих поэм «Новая земля» и «Хата рыбака», лирики и прозы.

В годы, последовавшие за великим Октябрем, молодая белорусская литература получила широкие возможности для своего развития. Отправляясь в трудную литературную дорогу, молодые наши поэты Павлюк Трус, Петро Глебка, Петрус Бровка помнили о великих пушкинских традициях и бережно несли их с собой.

Певучая и тонкая лирика Павлюка Труса, с ее яркими пейзажами и самобытными образами, родилась под непосредственным влиянием пушкинской лирики. Глубокие по мысли и чувству, наполненные общественным звучанием стихи — раздумья Петра Глебки — берут свое начало в пушкинских элегиях, его драматические поэмы «Над Березою-рекою» и «Свет о Востока» созданы под воздействием «Бориса Годунова». В получивших широкое признание поэмах и стихах Петруса Бровки с их подлинной народностью — та же классическая школа русского гения.

Белорусские поэты много и хорошо переводили Пушкина. Работа над переводами пушкинских произведений — это не только выражение любви к поэту, но и серьезная школа поэтической зрелости и мастерства каждого из нас. Прекрасны переводы Янки Купала, Максима Танка, Аркадия Кудашова, Пимена Панченко.

Я достаю с полки книги моих любимых

поэтов. Вот украинцы: великий кобзарь Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Франко, — творчество их озарено пушкинским гением, пушкинским свободоборьем, пушкинским верой в народ.

Вот поляки: Адам Мицкевич и Юлий Словацкий, — обожавшие их любовь и преклонение перед Пушкиным, влияние пушкинской поэзии на их творчество.

Вот грузины: Илья Чавчавадзе и Николай Бараташвили, — теснейшими узами связаны они с пушкинской поэзией.

Знаменитый армянский поэт Ованес Туманян, по его собственным словам, с детских лет познакомился с творениями Пушкина и горячо любил их.

О. Туманян писал: «Русский народ — великий народ, молодой, здоровый народ, исполненный, у него богатая, величественная литература, и в этой литературе — исполнен Пушкин».

В другом письме Туманян говорит: «Самый большой из всех русских поэтов — это Пушкин. В Европе нет подобного ему великого поэта».

Классик азербайджанской литературы Мирза Фатали Ахундов в своей замечательной поэме «На смерть А. С. Пушкина», написанной в 1837 году, говорит: Знал ты Пушкина и слышал, что он — Всец поэт земных глава. О речах его, что всегда остры, Многократно гремела молва.

Со стихами Ахундова перекликаются стихи татарского классика Габдуллы Тукая: Моя душа сходна с твоей, о Пушкин вдохновенный, Неподражаемый поэт, единый во вселенной, Твой жаркий стих зажжет меня, и дерево, и камень. О, это настоящий стих и настоящий пламень!

В начале войны мне пришлось побывать в Средней Азии. Были тяжелые дни. Народы нашей страны мужественно и стойко отражали вероломное нападение гитлеровцев. И тогда я очень часто слышал их, на востоке, далеко от Москвы, имя Пушкина.

Не достоин ли удивления факт, о котором я там узнал? Великий казах Абай Кунанбаев в 80-х годах прошлого века пе-

решал на свой язык отрывки из «Евгения Онегина». Будучи не только поэтом, но и композитором, он создал к своим переводам музыку, и имена Онегина и Татьяны на крыльях этих песен полетели над бескрайними степями, стали для казахов такими же родными, как имена героев казахских эпических поэм. Недаром Абай Кунанбаев в прозаическом сочинении «Галлия» («Нападения») писал: «Помни, что главное — научиться русской науке. Наука, знание, искусство — все это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза».

У народов Советского Союза открылся глаза на мир. Наука, знание, искусство стали достоянием всех наших народов. И естественно, что Пушкин, выдающийся национальный гений и славу русского народа, стал национальным достоянием и славою каждого белоруса, грузина, украинца, литовца, казаха.

150-летие со дня рождения А. С. Пушкина — большой праздник всей многонациональной социалистической культуры народов Советского Союза. В этот день мы заново обратимся к его бессмертным творениям и скажем: Пушкин дорог нам как поэт, чьи чарующие стихи глубоко запали нам в сердце, дорог нам тем, что чувства добрые от лиры пробуждал, что в своей жестокой бед восславил он свободу, что был его неподкупный голос эхом русского народа.

Я люблю Пушкина за ясный, широкий, разнообразный поэтический горизонт, за его чуткое, гуманное отношение к людям и, в частности, к многочисленным народам России, стоявшим под ярмом царского угнетения. Я люблю его за неслыханный, протестующий дух, за глубокую народность его поэзии.

Под солнцем Сталинской Конституции сбылась заветная мечта поэта: слух о нем прошел по всей великой Руси и каждый сущий в ней язык назвал его незабвенным имя.

Темиркул УМЕТАЛИЕВ

Когда открою том твоих стихов...

Когда открою том твоих стихов, Их музыка овладевает мной. Доходит ясный к нам сквозь даль годов

Язык твой поэзии живой, Ты для меня — как солнечный рассвет,

В тебе — простор без края, без конца. Как твой народ, могуч и ты, поэт. Будь братом добрым младшего певца. Ты — океан, а я лишь капля в нем. Чинар высокий — ты, — только ветвь. Мне ты сердце опалил огнем, И это сердце не устанет петь.

У вольных птиц ты крылья взял себе, И что ни слово, то — широкий взмах. К тебе вовек не зарасты тропе, Ты в наших думах, песнях и стихах. О, Пушкин! Ты живешь и в наши дни, Поэзия ликующей орле. Через года мне руку протяни, Чтобы для влета силу я нашел.

Перевела с киргизского Е. ОРЛОВСКАЯ

Г. ДУБИНИН, заместитель завед. «Красный выборщик».

Свободный, смелый дар

По вечерам в гостинице Выборгского Дома культуры за дружеской беседой встречаются стахановцы заводов Выборгской стороны. Все чаще и чаще за последние время разговор, начинающийся с производственных или бытовых тем, обращается к великому русскому поэту, умершему 112 лет назад, но оставшемуся нашим современником.

«Все подлинно гениальное доступно, и оно тем гениальнее, чем оно доступнее для широких масс народа», — говорил товарищ А. А. Жданов. Творчество Пушкина не просто доступно самым широким массам в нашей стране, оно горячо любимо ими. Стихи Пушкина читают в школах, о его произведениях пишут доклады студенты, над его текстами работают литературоведы. Пушкина изучают и в цехах заводов, фабрик.

У нас, на «Красном Выборгке», уже давно существует пушкинский кружок. Среди людей завода, углубленно занимающихся творчеством гениального поэта, активно пропагандирующих его произведения, — представители всех специальностей, всех возрастов. Здесь в старейшей рабочей школе тов. Комарский, и комсомолец тов. Хелолов. Не случайно на книжной полке моего товарища, лауреата Сталинской премии товарища Боржевича, томик Пушкина стоит рядом с трудами конференции по скоростной обработке металлов.

Свободный, смелый дар поэта близок нашему народу. Пушкин — певец «Вольности», был с революционными рабочими, солдатами, матросами, когда они в октябре 1917 года штурмовали Зимний дворец, неважнейший поэт эпохи паризма. Певец свободы был в рядах нашей Советской Армии, когда она громила интервентов и бело-гвардейцев на всех фронтах гражданской войны.

Возвращаясь писал Багратицкий об этом времени: Я мстил за Пушкина под Перекопом. Я Пушкина через Урал пронес... И сердце колыбелью безотчетно, И вольный пламень в сердце закипал, И в свисте пуль за песней пулеметной — Я вдохновенно Пушкина читал...

А когда в грозные дни 1941 года наш народ грудью встал на защиту Родины, имя Пушкина было названо товарищем Сталиным в числе гениев великой русской нации. Неизмеримо тяжелы были первые месяцы, годы войны, но — Перестрелка судьбы удари, Окрестил Русь. Так тяжкий млат, Дробя стекло, куег булат, — звучал для нас голос Пушкина.

И мы, советские люди, зная — победа придет. Везед за великим поэтом мы могли повторять пророческие, обличающие слова, обращенные им к клеветникам России.

Мы не признали наглой воли Того, под кем дрожали мы... И нашей кровью искупали Европы вольность, честь и мир.

В этой войне мне пришлось пройти в рядах действующей армии в качестве политработника к пути от Воронежа до Берлина. Пушкинский стих всегда был сплавным оружием в нашем культурном арсенале. В землянке томя Пушкина пенсия, как величайшая драгоценность!

С глубоким удовлетворением читаю и сейчас сообщения в газетах о том, что сто пятидесятый день рождения нашего гениального поэта стал праздником и в странах народной демократии. Новое издание сочинений Пушкина выискуется в Чехословакии, в Софии ставится «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», в Будапеште организуется выставка «Пушкин в Венгрии». Шедрой рукой делится русский народ своим богатством, богатством, которое имеет изумительное свойство — оно становится еще больше, когда им овладевают миллионы.

Я живу в Ленинграде, на берегу полноводной Невы, воспетой Пушкиным, Невы, заключенной в мощные гранитные берега. Каждый раз, направляясь через Литейный мост на работу, на свой «Красный выборщик», я люблюю тем, чем любилась Пушкин. Я прихожу на завод, на котором начал свой сознательный жизненный путь в комсомольской бригаде, поддерживавшей первый почин, первый договор на социалистическое соревнование. Бroom меня трясется замечательные люди, сердце которых открыто пушкинскому стиху, как оно открыто для всего прекрасного. Это люди, которые в коммунизм возьмут с собой Пушкина. Он и там будет нашим современником.

К нему не зарастет народная тропа...

Аветик ИСААКЯН

Никогда не скажут последнее слово о Пушкине, ибо его великая судьба, его гениальные творения не знают границ развития. Чем больше читаешь Пушкина, тем чаще обращаешься к его бессмертным сочинениям, тем ярче предстает перед тобой кристально чистая глубина пушкинского гения, тем ошутительней становится его светлая мудрость.

Подобно легендарной тысячелетней розе, Пушкин раскрывает неисчерпаемое богатство, неувядаемую красоту своего творческого гения. Пушкин обновил человеческую культуру. История вызвала в жизни этого могучего поэта, которому суждено было создать новую литературу, новый язык великого русского народа.

Гений Пушкина проник в глубины живой речи, в этот артезианский колодезь мудрости. Он нашел новую форму — чудотворный народный стиль. Пушкин освоил литературу от мертвых тем классицизма. Он нанес сокрушительный удар книжному риторическому языку. Из сокровищницы народной речи гениальный поэт взял основу своего, выкристаллизовав ее и создав непереходное оружие своего искусства — ясный, образный, лаконичный, живой музыкальный язык, которым питались последователи за ним титаны русской литературы — Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Горький, — язык, который продолжает питать нашу совет-

скую литературу. У народа Пушкин углясь правде, простоте, правдивому отображению действительности в искусстве. Пушкин, подобно испытанному мореходу, смело вел свой корабль в туманы и бури литературы, к заветной гавани большого, красивого реалистического искусства.

Пушкин — пламенный пророк, выразитель духовных стремлений России. Пушкин — великий сын народа, в темную николаевскую ночь призывавший любить солнце, поэзию, свободу... Пушкинский гений был сгустком чувств, стремлений, любви и ненависти русского народа. В нем проявилось самосознание русского человека.

Пушкин завещал писателям быть чуткими к народу. И только тот, кто следовал этому мудрому завету поэта, стал его достойным преемником.

Выстрел жалкого чужеземца Давтеса не мог заглушить пушкинскую музу. Она продолжала жить и шествовать по тернистым дорогам истории вперед, и голос ее был особенно ясно услышан в то утро, когда раздалась могучая залпа «Авроры», возвестившие восход звезды пенитенциального счастья. Пушкин оживил в Октябре о том, чтобы вечно жить.

Проф. Д. БЛАГОЙ

ПОЭТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Я начал изучать творчество Пушкина сравнительно поздно, в возрасте около тридцати лет. Но с этого времени Пушкин навсегда остался в моей жизни, стал моим неизменным спутником и мудрым старшим другом, моей радостью и опорой, источником моих наслаждений и постоянным предметом раздумий и изучений.

О чем бы я ни писал — о литературе XVIII века или о произведенных советских писателях, — мысль о Пушкине никогда не оставляла меня. Да и самое изучение русской литературы XVIII века было предпринято мной со специальной и осознанной целью по-настоящему осмыслить место Пушкина в развитии всей нашей литературы, проследить национальные традиции в его творчестве.

Историко-литературное изучение поэта ни в малой мере не притупляет, а, наоборот, обогащает, углубляет, усиливает мое непосредственное «чувство» Пушкина. Сколько раз, когда работая над очередной пушкинской темой, я снова и снова перечитывал столь знакомые строки и строфы, я испытывал то, о чем так искренно, не таясь, сказал сам Пушкин: «Порой опять гармоний упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь».

Да и «вымыслы» Пушкина исполнены такой полноты жизни! Он сам называл себя «поэтом действительности», а от писателя требовалось «учением природы». Непрестанно и в высшей степени предельно и добросовестно «сучился» у «сприроды», у жизни и он сам. Его творчество — это сама жизнь, но жизнь, прошедшая сквозь горячо бесмертного человеческого ума и высокого, доброго человеческого чувства.

Верное «сприроды» и в этом смысле глубоко объективное, творчество Пушкина совершенно лишено холодного и бесстрастного эстетизма. Во всем, что бы ни писал

Пушкин, бьется живое сердце поэта, струится и переливается его горячая кровь.

Художественный гений сочетается в Пушкине с пытливостью и добросовестностью ученого-исследователя, со страстностью публициста, борца. Всей своей литературной деятельностью он борется с «железным», «жестоким веком» и славит свободу. Поэт верит в будущее, он знает, что он «любежен» и нужен своему народу и своими творениями могуче способствует его духовному развитию.

И со всем тем Пушкин — воистину «величайший» в мире художник, как называет его Максим Горький. После предельной простоты пушкинских созданий, где все — чистейшее золото поэзии, без малейшей примеси «фразы», «маршовой «красивости», преувеличения, аффектации, где сдержанность, целомудренная «скупость» формы сочетается с необыкновенным богатством содержания, где в каждом слове бездна прострательства, мне лично трудно и утомительно читать многие значительные произведения его западноевропейских современников — будь то «Страсти» Майля-Гарольда и «Дон Жуан» Байрона или пышная риторика Гюго, где ничего не сказано просто, где каждая мысль, каждое слово как бы поставлены на дыбы.

В годы Отечественной войны с особенной силой ощутил я глубочайшую национальную сущность пушкинского творчества, его величайший патриотизм и истинную народность. Пушкин вырос передо мной во весь свой богатырский рост, как великий поэт великого народа. В самые тяжелые минуты, когда смертельная угроза нависала над нашей страной, я твердо верил, что никогда, никому гитлеру не покорить великой нации, которая явила миру Пушкина, во главе которой стоит Сталин.

М. КРОПАЧЕВА,

заслуженная учительница РСФСР, школа № 13, гор. Ленинград

Души прекрасные порывы

Строки Пушкина витывают, как воздух, с ними растешь, о ними живешь, работаешь, любишь, борешься.

Пушкин — это русская речь, русская сказка и песня. Пушкин — это душа родного народа. Это величайшее наше наследие и разящее боевое оружие.

Пушкин раскрыл красоту и редкое звучание русского языка, научил любить и ценить его.

Ребенком, еще не умея читать, я слышала от матери чудесные пушкинские сказки и ясно представляла себе:

Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет,
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд...

Бю в юности не увлекался пушкинскими поэмами, кто не перечитывал в разные поры жизни своей «Евгения Онегина», каждый раз испытывая новую, еще неизведанную радость? Где сердце не трепетало от его лирических стихов? Пушкин вошел в нашу жизнь и слился с ней неразрывно. Его призыв — «Мой друг, отклик-

новать души прекрасные порывы», в наши дни звучит с необыкновенной силой.

Социалистической отчизне посвятив свое жизнь мое поколение, воспитанное в первых пионерских отрядах.

Мне, ленинградке, особенно дорог Пушкин еще и потому, что он показал миру красоту моего родного города, его «сладкий узор чугунный», «Невы державное течение, береговой ее гранит».

В дни Отечественной войны в осажденном Ленинграде, укрывая от вражеских обстрелов великолюбные памятники города — гордость русского народа, — мы вспоминали пушкинские величавые стихи.

Когда я была политруком пулеметной роты, в моем вещевом мешке лежал томик Пушкина.

Сейчас я преподаю в школе, и стихи Пушкина звучат на уроках истории, а пушкинские сказки я читаю маленькой дочке.

В нашей мирной жизни творчество Пушкина служит источником бодрости и силы, а когда слышишь, что враги человечества замышляют новую войну против славянских народов, хочется сказать словами поэта: «Амелина для них славян кровь; но тяжко будет им похмелье».

Павло ТЫЧИНА

Пройди, пройди по Украине

Идешь — в сияньи новой славы
в сады и села, в города
такой же смелый и кудрявый,
такой же юный, как всегда.

Нет на пути твоем преград,
Народы чтут тебя, поэт!
О, наша гордость и отрада,
прими восторженный привет!

Ты славил Правду и Свободу,
от строк твоих в веках светло.
Хотел ты счастья для народа,
— оно пришло, оно пришло!

Наша революция открыла
твоя и творчества пути,
и партия нас научила
вперед, всегда вперед идти.

Россия — новая, родная —
встает, — сильней на свете нет.
За океаном — тыма ночная,
у нас — сверкающий рассвет.

Смотри, как путь наш прям и ясен,
как мы вершим дела!
Как человек у нас прекрасней,
как даль грядущего светла!

Пройди, пройди по Украине,
и взгляды пристальным взглядом:
следов былого нет в помине,
— другая жизнь, другие дни!

Сегодня светом ярким, чистым
сияют Каменка, Тульчин:
в горячем деле декабристов
и твой бесстрашный был почин.

Сегодня Киев и Одесса
совсем по-новому живут.
Взгляни на чудо Днепродзержинск,
— ну как не удивиться тут?

Не зря друзья твои трудились
в те доросветные года.
На нашем поле всколосились
и зерна твоего труда!

В день его юбилея все честные люди мира, борцы за счастье народа, склоняют свои головы перед бессмертием Пушкина. Они чувствуют живое дыхание великого поэта.

Я с детских лет любил Пушкина, его ясный, высокую, вдохновляющую поэзию. Всегда с трепетом сердца и особым волнением беру я в руки пушкинские томики, вновь и вновь благоговей перед неувядаемой силой его творений.

Пушкин близок и дорог нам, армянам. Народ наш на протяжении многих веков был предметом злых вожделений турецко-татарских орд, англо-американских господ, хладнокровно следивших сквозь мертвые стекла монокля за его потреблением. Народ наш любил Пушкина, ибо он, великий сын великого народа-освободителя, был защитником обездоленных, угнетенных, бесправных. Народ наш видит в гениальном русском поэте великого и непоколебимого друга. Мы помним, что Пушкина вдохновляла борьба греческого и сербского народов против турецких угнетателей. В его приветствиях героям Эллады армяне чувствовали приветствие и себе. Армянский народ, приобретший свое великое счастье благодаря русскому народу, сегодня приветствует его бессмертного сына — Александра Сергеевича Пушкина, великого живого, вечно любимого певца свободы и дружбы.

Анатолий СОФРОНОВ

Он всюду с нами

Он с нами всюду; в нашей чести,
В бою, в движении вперед;
Как современник, с нами вместе
В ряду строителей идет.

Сердца свободным и открытым
Его протянул рука,
Он, ставши песней и гранитом,
Живым остался на века.

В селеньях близких и далеких
Его читают и хранят,
Литые пушкинские строки
На всех наречьях звенят.

В степи казахской ночью длинной,
Где сладкий запах трав пьют,
Седобродные акыны
В тиши о Пушкине поют.

И эта песня, улетая
В простор широкий голубой,
В лесах сурового Алтая
Надеждат звучный отклик свой.

Она идет по всей отчизне,
Наполнив радость сердца,
Как спутник нашей светлой жизни
И как оружие боя.

В тиши лесов, в стороже дальней,
В морях, над синим водой,
В горах крутых, в избе-читальне —
Повсюду Пушкин молодой.

Он с нами в праздничных колоннах,
В труде и в поединке — во всем!
На мечах доблестных знаменах
Мы имя Пушкина несем!

К. ПАУСТОВСКИЙ

Да здравствует солнце!

Я горжусь Пушкиным, я люблю его не только потому, что он был прекрасным поэтом, но и потому, что в нем с необычайной ясностью и силой был выражен гений русского народа.

Наша огромная страна со всей силой ее жизни, с богатством идей, волновавших умы, все Россия была как бы «подчинена» гению Пушкина. Он свободно владел всем, что касалось России — от ее истории, обычая, душевного строя людей до увядших пажей, посеребрянных морозов.

Мы любим свою землю, свою страну, свой народ за многое, но еще и за то, что по этой простой нашей земле ходил Пушкин, за то, что он говорил и писал на изумительном нашем языке, которому нет равного в мире.

Пушкинская поэзия бессмертна. Сколько раз она возвращалась к нам в стихах поэтов, живших после него, в великодушной нашей прозе, в потрясающей музыке русских композиторов.

Пушкин вошел в душевный мир каждого из нас с детских, ранних лет. Он наш спутник и поводырь на протяжении всей нашей жизни. Поводырь по прекрасному. И если бы Пушкин исчез из нашего сознания, то мы сразу почувствовали бы себя обделенными. Наша жизнь потеряла бы очень многое.

Он вошел с нами — прекрасный, мужественный, и перед светом его ума меркнет всякая ложная мудрость, как меркнет по его же словам, лампада при ясном восходе зари.

Совднем же стаяны — за нашего великого, за нашего чудесного современника Александра Сергеевича Пушкина, совднем их разом и — «да здравствует музыка, да здравствует разум!»

И в наши годы грозные,
пока военных лязг не стих,
клякшим клякнетов России
твой честный, твой безстрашный стих.

Врагов великого народа
карает грозно твой кинжал.
Его не притупили годы,
он убивает нововал.

Ты весь призыв, ты весь движенье,
твой строк, как жизнь, сильна,
не знает глени и забвенья,
не знает старости она.

Родной поэзии светило,
в сердцах людей ты вечно жив,
— неисчерпаемая сила
и неслабейший порыв!

Живи во имя поколений,
творящих светлые дела!
Привет тебе, бессмертный гений,
налеки слава и хвала!

Перевел с украинского Лев Озеров

В. ЕРМИЛОВ

Наш Пушкин

Разгром восстания 1825 года потряс Пушкина. Он остался один — лучшие друзья его были арестованы, сосланы в далекую Сибирь, лидеры движения дворянских революционеров казнены.

Как человек с широким историческим мышлением и чутким, Пушкин, оправившись после первого потрясения, начал проумывать политическое положение. Он понимал, что дело декабристов не пропадет, что в будущем семя дадут всходы. Он проявил свое обычное мужество бойца, отрянувшего, — хорошо зная, что он рискует всем, — с одной из жен сосланных декабристов, уезжавшей на место ссылки, свое знаменитое послание «В Сибирь»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

«Наш скорбный труд не пропадет: из пещры восгорится пламя», — ответил Пушкин «из глубины сибирских руд» декабристу А. Оловскому.

Взяв эпиграфом в своей «Искре» эти слова: «из пещры восгорится пламя», Ленин подчеркнул преемственность русского революционного движения. История подвела итог устами Ленина: «...Их дело не прошло», — сказал он о декабристах.

Пушкин навсегда сохранил политическую верность друзьям.

На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою,

— так прямо, открыто поэт утверждал свою неизменную преданность и верность идеалам освободительного движения, разгромленного, но живого, как жив народ, как живая история.

Сразу же после ссылки декабристов Пушкин поставил себе целью всеми возможными мерами добиваться их возвращения.

Вначале ему казалось, что он сможет повлиять на царя Николая, вместе с Бенкендорфом и всей дворянской чернью, рассуждая на то, что теперь, когда Пушкин остался один, без политических друзей, удастся его обезвредить и сделать придворным поэтом, подобным Жуковскому. Николай и Бенкендорф отлично понимали, какую огромную силу представляет Пушкин.

Но Пушкин никогда не «смирнялся» перед действительностью, — наоборот, он всегда стремился повернуть действительность в свою сторону. Он пытался договориться с Николаем. Он допускал и возможность своего поражения, своей ссылки или даже казни, но допускал вместе с тем и возможность «подталкивания» царя насилию, — а там вернется из ссылки Байков, — и еще посмотрим, чья возьмет! Только было его политическое настроение, правда, на короткое время. В этот период своей веры в возможность либеральной политики царского правительства он в своих «Стансах» поставил Николаю в образце Петра I, как и его друзьям — декабристам, Пушкину была присуща неизбывная классовая, политическая ограниченность: он допускал, что рабство может пасть «по маню царя».

Однако Пушкин скоро отошел от своих иллюзий. Выражением его разочарования в возможности повернуть царя на либеральный путь явился потрясающий своей мрачной силой «Анчар» — это гневное проклятие самовластью, сеющему смерть. После короткого сна иллюзий вся жизнь Пушкина стала ежеминутной, непрерывной одиссеей «забытой» и правды. Он был окружен сыщиками царя, агентами Бенкендорфа.

Для Пушкина был отвратителен «свет» его грядущей, пошлость и подлость, — царь награждал его званием камер-юнкера, которым обычно награждали юности в 18—20 лет. Агентура правительства проинформировала всюду — она проникла и в семью Гончаровых. Используют светское легкомыслие Наталья Николаевна, придворная камерщица сделала из жены поэта свое орудие, о нем ветренная Наталья Николаевна, разумеется, и не подозревала.

Пушкин был одинок перед лицом светских интриганов, более страшных, чем те «сари», которые приспешили его Татьяне. Он знал, чувствовал, что его поддерживает передовой Россия, но у него не было связей с современными новыми силами, шедшими на смену декабристам — с теми силами, которые олицетворял Белинский. Догадываясь о появлении этих новых сил, он рванулся им навстречу, выразил желание связаться с Белинским, работать вместе с ним. Но эта встреча двух титанов нашей культуры — гениального поэта и гениального критика — не состоялась. Пуза Давтеса ублажила, очень многие возможности...

В последние годы жизни особенно напряжено шел мучительный творческий, душевный, политический рост поэта. Он продуцировал судьбы России, ее будущее. Своим гениальным историческим разумом он пришел к пониманию того, что буржуазная «свобода», буржуазная «демократия» также является одним из видов рабства, что и там «человека человек» может направить к смертному Анчару «властными взглядами». Ему было ненавистно всякое угнетение человека человеком. Восставая против идеализации буржуазной демократии, свойственной и некоторым из декабристов, Пушкин писал:

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические проношения тому виной... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном низине, в ее жестоких предразсудках, в ее нестерпимом тиранизме. Все благородно, бескорыстно, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство * нагло притесняющее обществу; рабство негров покривило образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих рабство и подлость... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Пушкину был враждебен буржуазный человек, образ которого он впервые описал в русской литературе, — человек, способный к «холодному варварству», поработившему и погубившему миллионы людей.

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические проношения тому виной... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном низине, в ее жестоких предразсудках, в ее нестерпимом тиранизме. Все благородно, бескорыстно, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство * нагло притесняющее обществу; рабство негров покривило образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих рабство и подлость... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Пушкину был враждебен буржуазный человек, образ которого он впервые описал в русской литературе, — человек, способный к «холодному варварству», поработившему и погубившему миллионы людей.

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические проношения тому виной... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном низине, в ее жестоких предразсудках, в ее нестерпимом тиранизме. Все благородно, бескорыстно, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство * нагло притесняющее обществу; рабство негров покривило образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих рабство и подлость... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Пушкину был враждебен буржуазный человек, образ которого он впервые описал в русской литературе, — человек, способный к «холодному варварству», поработившему и погубившему миллионы людей.

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические проношения тому виной... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном низине, в ее жестоких предразсудках, в ее нестерпимом тиранизме. Все благородно, бескорыстно, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство * нагло притесняющее обществу; рабство негров покривило образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих рабство и подлость... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Плакаты работы худ. Б. ЗЕЛЕНСКОГО. Издательство «Искусство»

Пушкин чувствовал непроточность буржуазно-дворянского общества, возможность новых и новых потрясений. Он не мог не видеть законности и справедливости крестьянских возмущений. Но в то же время Пушкин не мог стать на точку зрения крестьянской революции, на точку зрения революционеров-демократов, не смог выйти за пределы дворянской революционности.

В период работы над «Борисом Годуновым», формулируя требования, предъявляемые к драматическому писателю, Пушкин в числе самых главных требований отметил: «государственные мысли историка».

Пушкин было в высокой мере присуще государственное мышление, забота о силе и крепости русского государства.

Герцог писал: «...великие поэты бывали царедворцами, свидетельством этому Гете, Расин и другие; Пушкин не был ни царедворцем, ни сторонником правительства, во всякой силе государства отвечала его патристическим чувствам...». Да, сила государства отвечала патристическим чувствам Пушкина, если она была обращена против врагов русского народа, против нелепых замесителей и всех центрических сил, против государственных изменников, авантюристов, ошарашивших на иностранную поддержку, вроде Дмитрия Самойловича, Мазани и других подобных. Но, как указывал Белинский, — Пушкин, оставаясь в пределах дворянского мировоззрения, вместе с тем «спадает в этом классе на все, что противоречит гуманности». Глубая сила дворянского государства была отвратительна и ненавистна Пушкину, потому что она была враждебна гуманному, направилась против русского народа, народа, являвшегося единственным истинным силой государства, оплотнением его. Разрешить это противоречие Пушкин не мог.

И, тем не менее, он создал глубоко-поэтический образ вожака крестьянского восстания.

Образ Пугачева в «Капитанской дочке» весь овеян легендарностью, поэзией, сказочностью, фантастической силой, романтикой. Художественное провидение следует рассматривать в его цельности, а не в раздробленных, оторванных от единого поэтического целого, элементах. Если так, в неразрывности сюжета, темы и всего содержания поэтических составных единиц произведения, вплоть до мельчайших, рассматривать «Капитанскую дочку», то мы увидим, что не «дочка» и не ее соседство с «Мертвыми душами» и не ее соседство с «Мертвыми душами» (как и тему «Ревизора») дал Гоголю Пушкин. Замечательно, что в «Мертвых душах» подчеркивается рождение Чичикова с Панаевым, в какой-то не то комической, не то злойшей иронии, как это умеет делать только Гоголь. Связывается образ Чичикова и с каким-то мифическим капитаном Копейкиным. Разумеется, и Чичиков, и Герман — это, в конечном счете, именно покойники, все их страсти — из-за покойки. Мы не знаем, каким именно представлял в сознании Пушкина образ героя того романа, тему и сюжет которого он дал Гоголю, — может быть, тоже в «романтическом» аспекте «Шиковой дамы», а может быть, в том комическом-бытовом плане, в каком трактовал этот образ Гоголь: всеобъемлющий гений Пушкина чувствовал себя свободно во всех жанрах, одинаково был хозяином повествованию.

В обоих произведениях русская литература связывает образ буржуазного человека, хищника и приобретателя, с авантюристом: «три карты», в которые увверовал Герман и во имя которых он убил старуху и прогнал мимо чувства Лили; скупка мертвых душ, посредством которой Чичиков рассчитывает удовлетворить свою «страсть к довольству», — то и другое является авантюрой, подобно тому, как и сам Наполеон в глазах Пушкина и Гоголя был всего-навсего авантюристом крупного масштаба. Хотя Пушкин видел прогрессивные стороны буржуазного общества, все же здание, строившееся капитализмом, было омерзительно ему. Сгусток отчуждения Пушкина к законам буржуазного мира, ко всей проблеме буржуазии, власти денег, капитализма дан в эпизоде Скупого рыцаря:

«...Да если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из чужд земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б».

Какой многозначительный образ создало воображение поэта — потоп из крови, пот, слеза всего человечества, в котором может захлебнуться Скупоый рыцарь, Кащей — владыкелье золота, правящего миром в сужавший век, когда у людей «сужавши сердца»...

Всем существом своим поэт влекся к народу. Идея восстания, овеявшая в эпоху, всегда продолжала зреть в его душе. После 14 декабря к его постоянной идее восстания присоединяется другая разумная: о крестьянском восстании, о крестьянской революции. Уже в 1826 году он создает свое величавое Пение о Степне Разине — одно из глубоко-народных творений его гения. Степана Разина он считал самым поэтическим лицом русской истории.

Стяжка крестьянского восстания вызвала к себе протирочное отношение у Пушкина: эта мотив влекла к себе неуверенно, приковывала мысли и воображение, — и страшно, отталкивала поэта.

Какой многозначительный образ создало воображение поэта — потоп из крови, пот, слеза всего человечества, в котором может захлебнуться Скупоый рыцарь, Кащей — владыкелье золота, правящего миром в сужавший век, когда у людей «сужавши сердца»...

Всем существом своим поэт влекся к народу. Идея восстания, овеявшая в эпоху, всегда продолжала зреть в его душе. После 14 декабря к его постоянной идее восстания присоединяется другая разумная: о крестьянском восстании, о крестьянской революции. Уже в 1826 году он создает свое величавое Пение о Степне Разине — одно из глубоко-народных творений его гения. Степана Разина он считал самым поэтическим лицом русской истории.

Стяжка крестьянского восстания вызвала к себе протирочное отношение у Пушкина: эта мотив влекла к себе неуверенно, приковывала мысли и воображение, — и страшно, отталкивала поэта.

Пушкин чувствовал непроточность буржуазно-дворянского общества, возможность новых и новых потрясений. Он не мог не видеть законности и справедливости крестьянских возмущений. Но в то же время Пушкин не мог стать на точку зрения крестьянской революции, на точку зрения революционеров-демократов, не смог выйти за пределы дворянской революционности.

В период работы над «Борисом Годуновым», формулируя требования, предъявляемые к драматическому писателю, Пушкин в числе самых главных требований отметил: «государственные мысли историка».

Пушкин было в высокой мере присуще государственное мышление, забота о силе и крепости русского государства.

Герцог писал: «...великие поэты бывали царедворцами, свидетельством этому Гете, Расин и другие; Пушкин не был ни царедворцем, ни сторонником правительства, во всякой силе государства отвечала его патристическим чувствам...». Да, сила государства отвечала патристическим чувствам Пушкина, если она была обращена против врагов русского народа, против нелепых замесителей и всех центрических сил, против государственных изменников, авантюристов, ошарашивших на иностранную поддержку, вроде Дмитрия Самойловича, Мазани и других подобных. Но, как указывал Белинский, — Пушкин, оставаясь в пределах дворянского мировоззрения, вместе с тем «спадает в этом классе на все, что противоречит гуманности». Глубая сила дворянского государства была отвратительна и ненавистна Пушкину, потому что она была враждебна гуманному, направилась против русского народа, народа, являвшегося единственным истинным силой государства, оплотнением его. Разрешить это противоречие Пушкин не мог.

И, тем не менее, он создал глубоко-поэтический образ вожака крестьянского восстания.

Образ Пугачева в «Капитанской дочке» весь овеян легендарностью, поэзией, сказочностью, фантастической силой, романтикой. Художественное провидение следует рассматривать в его цельности, а не в раздробленных, оторванных от единого поэтического целого, элементах. Если так, в неразрывности сюжета, темы и всего содержания поэтических составных единиц произведения, вплоть до мельчайших, рассматривать «Капитанскую дочку», то мы увидим, что не «дочка» и не ее соседство с «Мертвыми душами» и не ее соседство с «Мертвыми душами» (как и тему «Ревиз

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 3 СТ.

...и сидеть кузнец. — Боязнь не боится. — боязнь тварь погубит, а вы дуру радуетесь — и, поставя лестницу на загоревшую кровлю, он полез за кошкой. Она пошла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукава. Подуборивший кузнец с своей добычей пошел вниз.

— Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущенной дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливы, не поминайте меня лпом.

Кузнец ушел. Пожар свирепствовал еще несколько времени. Наконец улялся, и груды угля без пламени ярко горели в темноте ночи и около них бродили потогорелье жегатели Бистевенки.

Так поэт подчеркнул человечность, возмущавшихся крестьян. Точно так же в «Капитанской дочке» он подчеркивает этическое величие Пугачева и пугачевцев и своеобразную внутреннюю и внешнюю красоту облака Пугачева.

Вот поют они любимую песню Пугачева. «Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня по выслушан, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то лирическим ужасом».

Противоречие: народ и государство, — противоречие, присущее буржуазно-дворянскому обществу, являлось основой из главных, коренных тем всего творчества Пушкина. Это противоречие находило выражение и в другой теме — личность и государство, теме «Медного всадника».

Генеральность этой поэмы и вместе с тем вершинность указанного противоречия для Пушкина и его эпохи выразились в том, что оба начала — государственное, воплощенное в монументальном образе Петра, и личное, представленное Евгением, — равновелики; то и другое в глазах поэта имеют равную моральную силу и красоту, равное моральное право.

Величественно в поэме все, связанное с образом Петра, являвшегося для поэта воплощением могущества русского государства, великолепен образ созданный Петром русской столицы.

Но о той же, любимой им столице, о которой он сказал:

Люблю твой строгий, стройный вид,
— Пушкин написал и следующие удивительные строки:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небезелезобладный,
Скука, холод и гранит —
Все же мне вас жалко немощно,
Потому что здесь порою
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

Он глубоко чувствовал противоречие между «стройным видом» и нестройностью всей жизни, между пышностью и бедностью, между красотой, величием русской столицы и ее духом неволи, казematным духом царской России, холодом крепости, тупом, подавляющей бездушной «скукой» приворожено-бюрократического Петербурга.

Образ чудного, подавляющего Петербурга противопоставлен в стихотворении интимно-личной теме любви, теме личного счастья. Так мал и незаметен в урбано-градской громаде столицы этот выходящий золотой локон...

Здесь, в зародыше, уже заключалась возможность темы «Медного всадника», где государство предстает и в своей величественной мощи, и в своей, поистине, грубой силе, раздвинувшей счастье и любовь Евгения. И если в лице Петра воплощено начало государства, то в лице Евгения олицетворено начало личного, простого человеческого счастья сотен тысяч таких же, как Евгений, обыкновенных, простых людей. По отношению к ним дворянское государство представляло чудовищную бездушную глыбу, обрушивав-

шуюся на миллионы таких же маленьких чужаков, как Евгений.

Возмущение Евгения тем, что за непонятных и чуждых ему целей государства, порабощавшего человека, рушилось его счастье, погубила жизнь любимого существа, раздавлена его собственная жизнь, — это возмущение переходит в мятеж; образ разбушевавшейся Невы, ее буйно и грозно поднявшихся волн, как бы стремящихся освободиться от гранитного плена, от «духа неволи», — образ разбушевавшейся стихии, сметающей все на своем пути, и выражает тему возмущения, мятежа. Как мы видим, мотив бунта всегда связывается у Пушкина с образом могучей бушующей стихии, справедливой в своем грозном гневе, но лишенной ясной целенаправленности, способной лишь к разрушению. Пушкин знал и мог знать из народных движений лишь крестьянские восстания, обреченные на поражение без протекторского руководства.

В своем возмущении против подавляющей личности грубой силы дворянского государства Евгений прав. Но, по мнению Пушкина, прав и Петр, в своем грозном гневе обрушивавшийся на Евгения, для которого личное счастье дороже и важнее величия государства.

Так Пушкин, гениально выразив историческое противоречие, по существу, сам того не зная, обратился к не разрешенным им вопросам к нашей эпохе, которая впервые в человеческой истории разрешила это противоречие. Только в социалистическом государстве личность, — отдельная человеческая личность, миллионы простых людей, — слившись в одно целое с государством, которое впервые стало служить счастью, любви, труду, всей жизни каждого отдельного человека, каждого честного труженика.

Мы чтим в Пушкине первого гениального русского просветителя, создателя русского литературного языка и родоначальника великой русской литературы. Мировое значение его поэзии исключительно. Он поднял русскую литературу на уровень самой первой, самой выдающейся и в идейном, и в художественном отношении литературы мира. Пушкину, — сказал Тургенев, — «одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу». Чернышевский замечательно охарактеризовал его поэзию, сказав, что Пушкин возвел литературу в достоинство национального дела.

На языке, созданном Пушкиным, говорит наша эпоха.

В своем просветительском труде устанавливая нового, живого, преодолевающего отрыв от народа, русского литературного языка Пушкин выдвигал принцип: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Сквозь точность и краткость при огромном, не сравнимом ни с каким другим языком богатстве слов, глубине их оттенков, и при обилии и глубине внутреннего содержания — эти особенности стали поистине национальной особенностью русского языка, русского мышления, русского стиля, — особенностью, выражающей черты русского национального характера. Стиль русского мышления — стиль глубокой и содержательной мысли, с отращением в малейшему оттенку того, что можно назвать безответственностью в слове. Некрасов, продолжая традицию пушкинской шпильки, требовал писать так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно.

Русское просветительство в лице Пушкина сразу же оформилось в своей свободной, деловой сущности и вместе с тем в своей близости к реальной действительности, в своем мудром историзме, чуждом абстрактному рационализму.

Русская литература в лице Пушкина сразу же определилась, как литература свободомыслия, народная, овеянная духом благородного патриотизма, чуждым национальной ослепи, шовинистическому высоко-

мерию, пронизанная дружественным сочувствием и уважением ко всем народам, к их культурным достижениям, к их национальным святыням: определялась, как литература реалистическая и глубоко гуманистическая.

Своим «Евгением Онегиным» Пушкин положил начало целой большой тематической линии русской литературы, целой галереи образов так называемых «лирических людей», — лириков для порождавшей их дворянско-буржуазной России. «Медным всадником», «Станционным смотрителем» он заложил основы великой гуманистической традиции нашей литературы, той традиции защиты маленького человека, которую, как астафету русского гуманизма, приняла один великий русский писатель в руки другого. Со «Станционным смотрителем» непосредственно связана голгофская «Шпилька» и цикл произведений, высоко поднявших перед всем миром значение нашей литературы, как могучей защитницы человека. Образом Татьяны Пушкин позволил начать изумительную галерею русских женщин, в которую входят и некроусские «счастливые девушки», и тургеневские женщины и девушки. Татьяну, с ее верностью, цельностью, самолюбивостью натуры, с ее отращением и презрением к пошлости «света», с ее стремлением «помогать бедным», близостью к народному характеру, с ее требовательным, строгим отношением к жизни, к призыванию человека, Татьяну, с ее выдержкой и мужеством, — словом, пушкинскую Татьяну, как мы ее знаем, мы вполне естественно можем представить в числе жен декабристов, отправившихся в экспедицию в Сибирь разделить с мужьями их гордую участь.

Пушкин дал могучий толчок непримиримой, бешеной русской сатире, подарив Гоголю — богатырски-пейный подарок! — темы и сюжеты лучших созданий гоголевского гения, а в «Истории села Горюхиных» переключившись через десятилетия к суровой музее петриковской сатиры, убавивая врагов. Мурао сказал Горький: «Пушкин у нас — начало всех начал».

Потому так радостен день его юбилея. Ренно живой, по-русски неисчерпаемо фантастически богатый, он нам дорог, как воздух, которым мы дышим. Могучую его поэзию смогла оценить и понять в ее самом главном только наша эпоха, овеянная разумом самых великих гениев всех времен и народов: Ленина и Сталина. Истинный труженик, воплотивший в себе исполненное трудолюбие нашего народа, один пролежавший работу, которую в других странах выполняли в течение столетий многие деятели, — он хотел бы видеть свою родину в том образе, в котором увидел ее его предок, выведенный им в незаключенной повести из петровской эпохи:

«Россия представляла Ибрагиму огромный мастерской, где выжигали оны машины, где каждый рабочий, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом. Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка...»

По-пушкински мудрый и восторженный образ России — страны тружеников! И недаром Петра видел он простым плотником на стройке могучей России.

По в какое же сравнение может идти и Петр, и его эпоха с нашим небывалым по своему величию временем, с размахом нашей стройки!

Наше Ленинское, сталинское время, со всем своею открытой душой, принимаем Петру его и благодарностью склоняется перед его памятью. Он был любимым писателем Ленина. Товарищ Сталин, в трудную годину Отечественной войны, назвал имя Пушкина в ряду священных имен великого русского народа.

Праздник Пушкина — праздник всех могучих братьев народов Советского Союза, праздник всего передового, прогрессивного человечества. Мы знаем, что в числе тех, кто подготовил величие нашей эпохи, современный расцвет нашей многонациональной Родины, был и он: наш Пушкин.

Пушкинские дни

◆ **Тобольск.** В Тобольском учительском институте состоялся «Пушкинские чтения». Студенты и преподаватели института сделали 15 докладов и сообщений, посвященных отдельным этапам творческого пути великого поэта. Составлял также большой литературный вечер, посвященный Пушкину.

◆ **Олонек.** Республиканский национальный театр Карело-Финской ССР показал премьеру инсценировки поэмы «Цыганы» на финском языке. В концертном отделе исполнились стихи Пушкина, музыкальные и вокальные произведения, написанные на его тексты карело-финскими композиторами.

◆ **Львов.** Здесь открылась выставка редких изданий произведений А. С. Пушкина. Представлено большое количество книг, изданных в прошлом веке в России, Польше, Галиции.

Среди экспонатов — экземпляры журнала «Современник», поэма «Бахчисарайский фонтан», изданная в 1828 году в Варшаве на польском языке, сборник «А. С. Пушкин в славянских переводах», в котором напечатаны стихи поэта на польском, сербском, чешском, словенском, болгарском, хорватском и словенском языках.

◆ **Минусинск.** В селе Большая Иня проводится «Пушкинские чтения». Сельский драмкружок выступил с инсценировками «Евгения Онегина», «Цыган» и сказок. Школьный хор в селе Кавказское исполнил сцены из оперы «Борис Годунов». В четырнадцати сельских клубах района прочитаны лекции на тему «Пушкин — великий русский поэт».

◆ **Баку.** Институт литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР к Пушкинским дням издает специальный сборник научных статей. В сборник входят статьи: «Пушкин и азербайджанская культура», «Азербайджанские писатели о Пушкине» и другие, а также стихотворения азербайджанских поэтов и ашугов о Пушкине.

◆ **Я твой «Памятник» читаю...**
Посмотри, поэт великий,
Кем стал туман когда-то «дикой»,
Эвенки в сене народов
Жизнь прекрасную возродят...
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит.

150-летие со дня рождения А. С. Пушкина отмечается во всех районных центрах округа торжественными заседаниями. Во всех колхозах и учреждениях проводится юбилейные собрания, во всех школах — вечера. Выпускается специальный номер окружной газеты «Советская Эвенкия». Пушкинские стихи звучат сегодня в каждом доме эвенка.

◆ **Тунгус.**
Великая Октябрьская социалистическая революция распространила тунгусов — эвенков, как они сами себя называют. Этот северный народ имеет сейчас свою письменность, свою литературу. В братской семье народов СССР он создает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. На территории Красноярского края создан Эвенкийский национальный округ.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился в Эвенкийский окружной комитет ВКП(б) с просьбой рассказать о сегодняшнем дне национального округа и о том, как празднуют там пушкинские дни. Из окружного партии сообщили:

— Сейчас в округе работает 31 школа, из них три — средние и три — семилетние. В центре национального округа — Туре создана фельдшерско-акушерская школа. Окружная двухгодичная сельскохозяйственная школа готовит ветеринарных фельдшеров и зероководов, а также председателей колхозов. В доверолокционной время на территории округа не было ни одной школы.

Большую работу ведут три районных дома культуры, тринадцать изб-читален и тринадцать красных чумов. В каждом райо-

не имеется своя библиотека. Обширным книжным фондом располагает окружная библиотека. Эвенкийский детвора также имеет свою собственную — детскую библиотеку. Многие интересные материалы по истории и социалистическому строительству Эвенкийского округа сосредоточены в краеведческом музее.

По примеру передовых районов Советского Союза, на территории округа развернулось сплошная радиодиффузия колхозов. Завершена в основном ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Молодое поколение эвенкийского народа получает начальное образование. За годы советской власти вырос большой отряд национальной интеллигенции.

И «тунгус» ныне хорошо знает имя великого русского поэта А. С. Пушкина, сквозь многие десятилетия providшего судьбу далекого северного народа. За годы советской власти переведены на эвенкийский язык «Капитанская дочка», более ста стихотворений гениального поэта. Трудящиеся эвенки любят читать произведения Пушкина на родном языке. Эта любовь наша выражение, в частности, в словах эвенкийского поэта Алексея Платонова в его стихотворении «Пушкину»:

Я твой «Памятник» читаю...
Посмотри, поэт великий,
Кем стал туман когда-то «дикой»,
Эвенки в сене народов
Жизнь прекрасную возродят...
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит.

◆ **Тунгус, когда-то дикой...**

Друг Пушкина, декабрист В. Кюхельбекер, послал ему в феврале 1836 года письмо из Баргузина, где он находился в ссылке. В этом письме В. Кюхельбекер рассказывал об окружающих его тунгусах (эвенках), которые казались ему совершенно дикими.

В том же году, в августе, А. С. Пушкин пишет стихотворение «Памятник», куда включает и строку о тунгусе, которого описывал ему В. Кюхельбекер:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус...»

Великая Октябрьская социалистическая революция распространила тунгусов — эвенков, как они сами себя называют. Этот северный народ имеет сейчас свою письменность, свою литературу. В братской семье народов СССР он создает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. На территории Красноярского края создан Эвенкийский национальный округ.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился в Эвенкийский окружной комитет ВКП(б) с просьбой рассказать о сегодняшнем дне национального округа и о том, как празднуют там пушкинские дни. Из окружного партии сообщили:

— Сейчас в округе работает 31 школа, из них три — средние и три — семилетние. В центре национального округа — Туре создана фельдшерско-акушерская школа. Окружная двухгодичная сельскохозяйственная школа готовит ветеринарных фельдшеров и зероководов, а также председателей колхозов. В доверолокционной время на территории округа не было ни одной школы.

Большую работу ведут три районных дома культуры, тринадцать изб-читален и тринадцать красных чумов. В каждом райо-

не имеется своя библиотека. Обширным книжным фондом располагает окружная библиотека. Эвенкийский детвора также имеет свою собственную — детскую библиотеку. Многие интересные материалы по истории и социалистическому строительству Эвенкийского округа сосредоточены в краеведческом музее.

По примеру передовых районов Советского Союза, на территории округа развернулось сплошная радиодиффузия колхозов. Завершена в основном ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Молодое поколение эвенкийского народа получает начальное образование. За годы советской власти вырос большой отряд национальной интеллигенции.

И «тунгус» ныне хорошо знает имя великого русского поэта А. С. Пушкина, сквозь многие десятилетия providшего судьбу далекого северного народа. За годы советской власти переведены на эвенкийский язык «Капитанская дочка», более ста стихотворений гениального поэта. Трудящиеся эвенки любят читать произведения Пушкина на родном языке. Эта любовь наша выражение, в частности, в словах эвенкийского поэта Алексея Платонова в его стихотворении «Пушкину»:

Я твой «Памятник» читаю...
Посмотри, поэт великий,
Кем стал туман когда-то «дикой»,
Эвенки в сене народов
Жизнь прекрасную возродят...
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит.

◆ **Тунгус, когда-то дикой...**

Друг Пушкина, декабрист В. Кюхельбекер, послал ему в феврале 1836 года письмо из Баргузина, где он находился в ссылке. В этом письме В. Кюхельбекер рассказывал об окружающих его тунгусах (эвенках), которые казались ему совершенно дикими.

В том же году, в августе, А. С. Пушкин пишет стихотворение «Памятник», куда включает и строку о тунгусе, которого описывал ему В. Кюхельбекер:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус...»

Великая Октябрьская социалистическая революция распространила тунгусов — эвенков, как они сами себя называют. Этот северный народ имеет сейчас свою письменность, свою литературу. В братской семье народов СССР он создает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. На территории Красноярского края создан Эвенкийский национальный округ.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился в Эвенкийский окружной комитет ВКП(б) с просьбой рассказать о сегодняшнем дне национального округа и о том, как празднуют там пушкинские дни. Из окружного партии сообщили:

— Сейчас в округе работает 31 школа, из них три — средние и три — семилетние. В центре национального округа — Туре создана фельдшерско-акушерская школа. Окружная двухгодичная сельскохозяйственная школа готовит ветеринарных фельдшеров и зероководов, а также председателей колхозов. В доверолокционной время на территории округа не было ни одной школы.

Большую работу ведут три районных дома культуры, тринадцать изб-читален и тринадцать красных чумов. В каждом райо-

не имеется своя библиотека. Обширным книжным фондом располагает окружная библиотека. Эвенкийский детвора также имеет свою собственную — детскую библиотеку. Многие интересные материалы по истории и социалистическому строительству Эвенкийского округа сосредоточены в краеведческом музее.

По примеру передовых районов Советского Союза, на территории округа развернулось сплошная радиодиффузия колхозов. Завершена в основном ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Молодое поколение эвенкийского народа получает начальное образование. За годы советской власти вырос большой отряд национальной интеллигенции.

И «тунгус» ныне хорошо знает имя великого русского поэта А. С. Пушкина, сквозь многие десятилетия providшего судьбу далекого северного народа. За годы советской власти переведены на эвенкийский язык «Капитанская дочка», более ста стихотворений гениального поэта. Трудящиеся эвенки любят читать произведения Пушкина на родном языке. Эта любовь наша выражение, в частности, в словах эвенкийского поэта Алексея Платонова в его стихотворении «Пушкину»:

Я твой «Памятник» читаю...
Посмотри, поэт великий,
Кем стал туман когда-то «дикой»,
Эвенки в сене народов
Жизнь прекрасную возродят...
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит.

◆ **Тунгус, когда-то дикой...**

Друг Пушкина, декабрист В. Кюхельбекер, послал ему в феврале 1836 года письмо из Баргузина, где он находился в ссылке. В этом письме В. Кюхельбекер рассказывал об окружающих его тунгусах (эвенках), которые казались ему совершенно дикими.

В том же году, в августе, А. С. Пушкин пишет стихотворение «Памятник», куда включает и строку о тунгусе, которого описывал ему В. Кюхельбекер:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус...»

Великая Октябрьская социалистическая революция распространила тунгусов — эвенков, как они сами себя называют. Этот северный народ имеет сейчас свою письменность, свою литературу. В братской семье народов СССР он создает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. На территории Красноярского края создан Эвенкийский национальный округ.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился в Эвенкийский окружной комитет ВКП(б) с просьбой рассказать о сегодняшнем дне национального округа и о том, как празднуют там пушкинские дни. Из окружного партии сообщили:

— Сейчас в округе работает 31 школа, из них три — средние и три — семилетние. В центре национального округа — Туре создана фельдшерско-акушерская школа. Окружная двухгодичная сельскохозяйственная школа готовит ветеринарных фельдшеров и зероководов, а также председателей колхозов. В доверолокционной время на территории округа не было ни одной школы.

Большую работу ведут три районных дома культуры, тринадцать изб-читален и тринадцать красных чумов. В каждом райо-

не имеется своя библиотека. Обширным книжным фондом располагает окружная библиотека. Эвенкийский детвора также имеет свою собственную — детскую библиотеку. Многие интересные материалы по истории и социалистическому строительству Эвенкийского округа сосредоточены в краеведческом музее.

По примеру передовых районов Советского Союза, на территории округа развернулось сплошная радиодиффузия колхозов. Завершена в основном ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Молодое поколение эвенкийского народа получает начальное образование. За годы советской власти вырос большой отряд национальной интеллигенции.

И «тунгус» ныне хорошо знает имя великого русского поэта А. С. Пушкина, сквозь многие десятилетия providшего судьбу далекого северного народа. За годы советской власти переведены на эвенкийский язык «Капитанская дочка», более ста стихотворений гениального поэта. Трудящиеся эвенки любят читать произведения Пушкина на родном языке. Эта любовь наша выражение, в частности, в словах эвенкийского поэта Алексея Платонова в его стихотворении «Пушкину»:

Я твой «Памятник» читаю...
Посмотри, поэт великий,
Кем стал туман когда-то «дикой»,
Эвенки в сене народов
Жизнь прекрасную возродят...
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит.

◆ **Тунгус, когда-то дикой...**

Друг Пушкина, декабрист В. Кюхельбекер, послал ему в феврале 1836 года письмо из Баргузина, где он находился в ссылке. В этом письме В. Кюхельбекер рассказывал об окружающих его тунгусах (эвенках), которые казались ему совершенно дикими.

В том же году, в августе, А. С. Пушкин пишет стихотворение «Памятник», куда включает и строку о тунгусе, которого описывал ему В. Кюхельбекер:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус...»

Великая Октябрьская социалистическая революция распространила тунгусов — эвенков, как они сами себя называют. Этот северный народ имеет сейчас свою письменность, свою литературу. В братской семье народов СССР он создает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. На территории Красноярского края создан Эвенкийский национальный округ.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился в Эвенкийский окружной комитет ВКП(б) с просьбой рассказать о сегодняшнем дне национального округа и о том, как празднуют там пушкинские дни. Из окружного партии сообщили:

— Сейчас в округе работает 31 школа, из них три — средние и три — семилетние. В центре национального округа — Туре создана фельдшерско-акушерская школа. Окружная двухгодичная сельскохозяйственная школа готовит ветеринарных фельдшеров и зероководов, а также председателей колхозов. В доверолокционной время на территории округа не было ни одной школы.

Большую работу ведут три районных дома культуры, тринадцать изб-читален и тринадцать красных чумов. В каждом райо-

не имеется своя библиотека. Обширным книжным фондом располагает окружная библиотека. Эвенкийский детвора также имеет свою собственную — детскую библиотеку. Многие интересные материалы по истории и социалистическому строительству Эвенкийского округа сосредоточены в краеведческом музее.

По примеру передовых районов Советского Союза, на территории округа развернулось сплошная радиодиффузия колхозов. Завершена в основном ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Молодое поколение эвенкийского народа получает начальное образование. За годы советской власти вырос большой отряд национальной интеллигенции.

И «тунгус» ныне хорошо знает имя великого русского поэта А. С. Пушкина, сквозь многие десятилетия providшего судьбу далекого северного народа. За годы советской власти переведены на эвенкийский язык «Капитанская дочка», более ста стихотворений гениального поэта. Трудящиеся эвенки любят читать произведения Пушкина на родном языке. Эта любовь наша выражение, в частности, в словах эвенкийского поэта Алексея Платонова в его стихотворении «Пушкину»:

Я твой «Памятник» читаю...
Посмотри, поэт великий,
Кем стал туман когда-то «дикой»,
Эвенки в сене народов
Жизнь прекрасную возродят...
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит.

◆ **Тунгус, когда-то дикой...**

Друг Пушкина, декабрист В. Кюхельбекер, послал ему в феврале 1836 года письмо из Баргузина, где он находился в ссылке. В этом письме В. Кюхельбекер рассказывал об окружающих его тунгусах (эвенках), которые казались ему совершенно дикими.

В том же году, в августе, А. С. Пушкин пишет стихотворение «Памятник», куда включает и строку о тунгусе, которого описывал ему В. Кюхельбекер:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус...»

Великая Октябрьская социалистическая революция распространила тунгусов — эвенков, как они сами себя называют. Этот северный народ имеет сейчас свою письменность, свою литературу. В братской семье народов СССР он создает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию. На территории Красноярского края создан Эвенкийский национальный округ.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился в Эвенкийский окружной комитет ВКП(б) с просьбой рассказать о сегодняшнем дне национального округа и о том, как празднуют там пушкинские дни. Из окружного партии сообщили:

— Сейчас в округе работает 31 школа, из них три — средние и три — семилетние. В центре национального округа — Туре создана фельдшерско-акушерская школа. Окружная двухгодичная сельскохозяйственная школа готовит ветеринарных фельдшеров и зероководов, а также председателей колхозов. В доверолокционной время на территории округа не было ни одной школы.

Большую работу ведут три районных дома культуры, тринадцать изб-читален и тринадцать красных чумов. В каждом райо-

не имеется своя библиотека. Обширным книжным фондом располагает окружная библиотека. Эвенкийский детвора также имеет свою собственную — детскую библиотеку. Многие интересные материалы по истории и социалистическому строительству Эвенкийского округа сосредоточены в краеведческом музее.

По примеру передовых районов Советского Союза, на территории округа развернулось сплошная радиодиффузия колхозов. Завершена в основном ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Молодое поколение эвенкийского народа получает начальное образование. За годы советской власти вырос большой отряд национальной интеллигенции.

И «тунгус» ныне хорошо знает имя великого русского поэта А. С. Пушкина, сквозь многие десятилетия providшего судьбу далекого северного народа. За годы советской власти переведены на эвенкийский язык «Капитанская дочка», более ста стихотворений гениального поэта. Трудящиеся эвенки любят читать произведения Пушкина на родном языке. Эта любовь наша выражение, в частности, в словах эвенкийского поэта Алексея Плат